

ГЕОРГИЙ ГРАУБИН

ПОВЕСТЬ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

Дед Кузнецов переехал из Жипков на соседний полустанок два года тому назад. С моим отцом он поссорился и при встречах с ним угрюмо смотрел в сторону. Мой отец тогда был заместителем председателя колхоза, а дед Кузнецов — единственным единоличником на всю округу. И поскольку мы жили с ним по соседству, больше всех попадало от приезжавшего начальства моему отцу.

— Во всех деревнях хозяйства коллективизированы на сто процентов, одни вы под боком пригрели единоличника, — возмущались инспекторы. — Ваш единоличник тянет назад весь район. Неужели вы с ним не можете сладить?

С какого только боку ни подходили к Кузнецову: и упрашивали, и убеждали. Но он

стоял на своем: что хотите, то и делайте, а в колхоз не пойду.

Когда-то он сеял хлеб в березовой пади, которую так и окрестили Кузнецовской падушкой*. Потом там стал сеять колхоз. Земли в падушке было мало — кот заплакал, но надо было оттуда согнать единоличника. Думали, что после этого он обязательно вступит в колхоз.

Кузнецов посуровел, молча перевез из падушки свой инвентарь и стал с ожесточением распахивать пустырь за огородом. Много распахивать ему не дали: закон есть закон. И, перекопав двор, Кузнецов посадил на нем овощи, а в огороде посеял овес и пшеницу.

Странно выглядело кузнецовское поле. На всех деревенских огородах цвела картошка, росли брюква и репа, а в кузнецовском поднимались тощие зеленые злаки.

Проходя мимо кузнецовского дома, мы вполголоса напевали самодельную песенку:

Единличник, единличник,
Выглянь, выглянь за наличник.
Жить в колхозе единлично
Даже очень неприлично!

* Падúшка — небольшая па́дь, балка (овраг) на равнине, часто заболоченная и заросшая деревьями (*здесь и далее прим. ред.*).

Один раз отец получил за трудодни целых два ведра меду. А для единоличников вскоре прибавили налоги. Колхозники стали жить зажиточно, а Кузнецов едва сводил концы с концами.

— Петр Михайлович, ведь ты же старый партизан, неловко, что на тебя все показывают пальцами. Вступай в колхоз, ну чего ты упрямишься? — уговаривал его отец.

Петр Михайлович только сердито вздыхал.

— Не замай, Михайлыч, сердце противится. Ишоба мне не хватало быть в вашей компании. А почему — не пытай, все равно не скажу.

— Ну и переезжал бы тогда куда-нибудь, в Ключу, что ли, — не сдержался однажды отец. — Там, по крайней мере, твое хозяйство будет считаться индивидуальным, а тут — единоличное. Вся деревня смеется!

Из Ключи к Кузнецову приезжал свояк Лапин. Он настойчиво уговаривал Кузнецова перебраться на станцию.

— Ну, не упрямясь, хрусталик, поедем, будь ласка. И дочь твоя там живет, и унучка, и старухам нашим будет веселее век доживать. Я тебе уже дом сторговал — там за просто целик распахать можно.

Петр Михайлович долго сопротивлялся, но однажды, махнув на все рукой, согласился.

— Поедем. Индо в печенках эта жисть отдается.

Лапин приехал со станции за вещами свояка на старинном, допотопном автобусе с шофером Петькой Хвостовым. Сам Лапин тоже когда-то работал шофером, но после того, как ушел на пенсию, даже не заглядывал в гараж. То ли боялся расстроиться, то ли из стариковской гордости. Но в советах шоферам никогда не отказывал. Хотя советы его касались только отживших свой век машин.

Петька Хвостов прокатил нас на деревянном автобусе по деревне. А когда мы пообещали ему притащить со своих парников огурцов, вывез и за деревню. Но на первом же пригорке мотор заглох, и машина покатила назад.

— Не вытянет, лайба! — чертыхнулся Петька и повернул обратно. — Как старая кляча, на могильник пора. — И, остановившись возле кузнецовского дома, заторопил:

— А теперь живее за огурцами!

Петр Михайлович погрузил на телегу плуг, борону, грабли, а все остальное затолкали в автобус, благо, дверь открывалась сзади. В него без особого труда втокнули даже кровати. Автобус тронулся, по-гусиному переваливаясь на своих допотопных колесах с дубовыми спицами. Петр Михайлович хмуро посмотрел на сбежавшихся по случаю отъез-

да соседей и, не попрощавшись, сердито понукнул лошадь.

И вот теперь на эту же станцию переезжали и мы: отцу не хотелось больше оставаться в деревне. После отъезда соседа-единоличника отца вдруг арестовали и увезли в тюрьму.

А арестовали его прямо в лесу, в Кузнецовской падушке, куда он ездил за дровами. В чем только не обвиняли следователи его: и во вредительстве, и в шпионаже. Обвинение в шпионаже было смехотворным. А вредителем отец себя признал: да, в то время, когда он был заместителем председателя по животноводству, в колхозе был крупный падеж скота. И потребовал над собой открытого суда, чтобы на нем могли присутствовать и колхозники.

Судили отца в новом колхозном клубе, который был набит до отказа. Отец попросил зачитать сводки падежа по декадам. Сводки по его просьбе были зачитаны. Почти весь скот пал в феврале и марте. После этого отец сказал:

— А теперь проверьте, где я был в это время: я учился на курсах по повышению квалификации.

Председатель колхоза Суцин беспокойно ерзал на своем стуле и растерянно озирался по сторонам. Всем было ясно, что это он

написал на отца донос, чтобы переложить вину на его плечи.

Отца оправдали. А через несколько дней уполномоченный НКВД, который его арестовывал, примирительно сказал:

— Ну вот что: засучивай рукава по локоть и принимайся за работу. А кто старое вспоманет — тому глаз вон.

— Нет, уезжать я отсюда собрался, — отрезал отец. — Раньше с охотой работал, а теперь — не могу.

— Саботируешь? — угрожающе возвысил голос уполномоченный. — Что-то быстро ты про недавнее забывать стал.

— А ты и не пугай, я уже пуганый. И кто чего стоит, тоже теперь знаю. Так что не теряй времени на разговоры.

И вот сегодня утром кузнец Бутаков и охотник Цыренов помогли отцу уложить на телегу немудрящий семейный скарб. Цырен Цыренович притащил огромную медвежью шкуру, затолкал ее под веревку.

— Магази́нская прямо. Сороковой медведь был, долго, однако, его боялся. Говорят, сороковой самый опасный, злой. Кто его победит, долго жить будет. Возьми медведну на счастье.

И наша телега медленно покатила на станцию Ключа, что была всего в шести километрах, за лесом...

Кто бы мог думать, что нам снова придется жить с Кузнецовым в соседях! Но наши дома оказались рядом — на отшибе, за линией железной дороги. Еще издалека мы увидели около кузнецовского дома пеструю толпу и услышали плач. А когда подъехали ближе, увидели похоронную процессию, которая выходила из кузнецовского двора.

Три дня назад, на речке, молнией убило дедову внучку, Галку. Это первая майская гроза — быстрая и скоротечная, Галка с подружкой бегала за огородами, и вдруг в мутноватобелесом небе словно бы кто-то потрянул огромный жестяной лист. Тяжелый гул прокатился над замлевающим от весеннего тепла поселком, и, словно из гигантской лейки, хлынул крупный проливной дождь.

Никто не видел, как узкая полоска молнии, пропоров тучу, впилась в берег реки.

Галкина подружка ойкнула, схватилась за волосы и вместо гребенки нащупала пепел. А Галка, неуклюже взмахнув руками, упала на зеленый травяной коврик и остекленело уставилась в небо. Никаких следов ожогов на ней не было, только на пятке чернело круглое пятнышко, словно к ней прикоснулись раскаленным железом.

На похороны собралось много народу: Галкина смерть была неестественной и трагичной.

Дед Кузнецов, сутулясь, подставлял под гробик внучки словно бы надломленное плечо, и по его изжеванным усам и всклокоченной бороде стекали мутные струйки. Рядом с ним, в развевающейся красной рубахе, семеня его свояк дедушка Лапин. Галкина мать, повариха детского санатория, пошатываясь, брела сзади.

— Солнышко ты мое незакатное, говорила же я тебе, чтобы ты не ходила в это проклятое место, а ты меня не послушала, — хрипло причитала она, поднимая над головой крупные, опаленные у плиты руки. Ее с обеих сторон придерживали молчаливые заплаканные старухи. А весна была в самом разгаре. На обогретых солнцем увалах пронзительно голубели ургуйки, бледно-розовым пламенем загорались кусты сибирского абрикоса. Дурманно пахло черемухой и багулом, лиственницы выпустили нежные зеленые кисточки, набухшие березовые почки походили на сжатые кулачки.

Разрешили временно перекрыть входные семафоры, и медлительная процессия двинулась прямо через песчаную насыпь, через пахнущие мазутом железнодорожные пути.

Я сидел на телеге и судорожно глотал горячие слезы. Братишка недоуменно крутил головой, лошадь тяжело вздыхала и шумно хрумкала овсом.

Мать положила руку на мою голову, ласково и печально сказала:

— Ты тоже, сынок, сходи, проводи ее в последнюю дорожку. Вон сколько ребятишек идет.

Я неуклюже сполз с телеги и на негнущихся ватных ногах побрел следом за похоронной процессией. На горе, в жиденьком соснячке процессия остановилась.

Галкина мать опустилась на колени перед гробом и запричитала еще громче. Рядом беззвучно плакали дед Кузнецов и дедушка Лапин. В ногах у Галки подбитым воробышком сидела раскосая девчонка и размазывала по лицу слезы. Это была Надя Филатова, которая бегала с Галкой около речки в тот роковой день.

На кладбище терпко пахло багульником, листвянкой, ургuem. Краснозобый дрозд бесстрашно сел на сосновую ветку и с любопытством заглянул в яму. Бурундук, свистнув, проскочил по краю могилки и полосатой змейкой взметнулся на вершину сосны. В яму тоненькой струйкой потек песок. Печальная траурница, взмахнув тусклыми крылышками, села на крышку гроба и задремала.

Когда гробик опустили в могилу, все стали бросать на него землю горстями. Бросил сыроватый комок и я.

После похорон все снова вернулись в дом Кузнецова, чтобы помянуть Галку. Дед Кузнецов, кряхтя, перелез в наш двор и, не глядя на отца, глухо сказал:

— Вот так оно бывает, Михалыч: то ты меня на вожжах тянул в свой колхоз, а теперь сам оттуля пятки смазал... На проклятое место поселились, Михалыч, факт. Приходи помянуть внучку.

Отец с матерью пошли к Кузнецовым, а я сел на телегу и зло хлестнул кнутом лошадь: ее надо было сегодня же угнать обратно в деревню.

ПОИСКИ

Всю дорогу я вспоминал своих деревенских друзей, с радостью узнавал знакомые с детства места.

Вот реденький березняк, в котором мы собирали влажные, пахнущие прелой листвой грузди. И когда из этого березняка охотник Цыренов принес домой в мешке волчий выводок, даже старики удивленно разводили руками.

Из перелеска дорога спускается вниз, ныряет под железнодорожный мост и сразу за ним открывается деревня. Небольшой речуш-

кой она разделяется на две части. Та сторона, где жили мы, была безымянной, а противоположную называли Казачкой. Речушка во время дождей выходила из берегов и затопляла подступавшие к ней огороды. Тогда к дому моего друга Борьки Цыренова можно было пройти, только закатив брюки выше колен. Его крохотный, в одно окно, домик стоял на самом берегу. Отец не раз предлагал Цыреновым перетащить трактором дом на другое место. Но Цырен Цыренович, Борькин отец, отмахивался:

— Хо, Борька рыбачит прямо с крыльца. Пусть лучше речка приходит к нему, чем ему идти к речке. Магази́нское место, никуда отсюда не съеду!

Борькин отец был охотником и почти весь год пропадал в тайге. Борька оставался вдвоем с матерью. Говорили, что она заплетает ровно сорок косичек. Сколько их было на самом деле, никто не считал. Но свешивались они с ее головы, как шпагатины или черные макароны. А на конце каждой косички позвякивал крошечный колокольчик.

Больше всего мы любили есть лепешки, которые пекла Борькина мать. Кирпичной печи в Борькином доме не было, стояла в нем лишь приземистая жестяная печка. Густо раскатав тесто, Борькина мать на ладонях